

Но что же все-таки означает ставшая обычной и часто уже бездумной формула «Пушкин — создатель русского литературного языка»? Пушкин, хотят сказать, в отличие от того же Карамзина не создавший и даже не видевший ни одного нового слова.

Во-первых, «создавать русский язык» ему очень помогали иные языки: знаменитые всемирные пушкинские гения ясно проявлялись уже здесь. Известно, что литературная, во многом и бытовая стихия, в которой воспитывалась Пушкин, была французской.

Странно обратить внимание на то, что национальный гений, путь в детстве, казалось, должен был бы как-то противостоять такому иностранныму бедствию: испытаниям, равнодушным, просто учебным неуспехом. Ничего подобного. Пушкин буквально упивался не только французской литературой, а именно французским языком, на котором пищутся и первые стихи. Трудно объяснить только вспоминать такую одержимость, которая явно идет изнутри, органично рождающаяся и продолжаясь даже в Лицее, так как создатель русского литературного языка получит там клавишу Франца.

Русская необходимость рождала русского мальчика, одержимого французским стихом, французской литературой, французской мыслью, «француза» Пушкина.

Перед Пушкиным, еще ребенком, предстала упорядоченная гармоническая языковая и поэтическая система, которая и была тогда историческая базис и привлекательна для целой России, рожденной, естественно, и издержками, дававшими основания для многочисленных и справедливых критиков гигиенистов — сатирических и несатирических.

«Оно», — сказал об особенностях такого «французского» воспитания Пушкина А. В. Дружинин, — соединило его уму ту остроумную гибкость, без которой невозможно творить на языке, еще не вполне установленном, каков был русский язык в эпоху деятельности Пушкина». В деле практического усиления и усиления законов русского языка очень важно, что Пушкину, как писал тот же Дружинин, «законы французского языка, столь определенного, сконцентрированного и в совершенстве развивавшего умственную гибкость пишущего, были знакомы до кончиких».

Недаром уже зрелый Пушкин напишет в 1825 году П. А. Вяземскому: «Ты хорошо сделал, что заступился яко за галицизмы. Когда-нибудь должны же вслух сказать, что русский метафизический язык находиться у нас еще в диком состоянии. Дай Бог ему когда-нибудь обретется наподобие французского (яко точного языка прозы, т.е. языка мысли)».

Но не только в прозе. Поразительный пример в поэзии зрелого же Пушкина почти не преодолимым препятствием стала невозможность для «русской души» Татьяны обласкаться по-русски в своем чисто русском чувстве, в своей русской любви. Когда Пушкин писал с Татьяной ее знаменитое письмо Олегину, то долго и мучительно колебалась между французским и русским и даже хотела (в бессилии написать его по-русски) писать по-французски. То есть по-французски он это сделать может. И даже сравнительно легко. Но нужно было, должно было это сделать, чтобы сделать это легко. Тогда, когда он воспринимал Шекспира, проложил к нему языками французских переводов. И тогда, когда он воспринимал Татьяну, ее знаменитое письмо Олегину, то долго и мучительно колебалась между французским и русским и даже хотела (в бессилии написать его по-русски) писать по-французски.

Итак, на взаимодействии двух начал наступают разрешение и возникает феномен, так сказать, двойного авторства: Татьяна (точном соответствии с бытовой и исторической правдой) пишет свою письмо по-французски, а Пушкин (в неукоснительном исполнении культурной и исторической задачи) пишет (переводит) ее письмо по-русски.

В 1828 году журнал «Московский вестник» сообщал об этом письме Татьяны как о важнейшем событии и открытии русской жизни: «Нужно ли говорить о том, как вместе с ним (Пушкиним). — Н.С.) зреет язык его, или русский? Мы удивлены, как наши дамы, прочитав письмо Татьяны и всю третью песнь (т.е. главу. — Н.С.) Олегина, еще до сих пор не отказываются в обществе от языка французского как будто все еще не смели или стыдились говорить языком отечественным». Вот так сами с усами.

Не нужно забывать, однако, что Пушкин в создании русского литературного языка очень помогал французской литературе. Но уже от-

ньо не карамзинским, еще довольно механическим, путем ввода тех или иных начальных принципов.

В свое время академик В. В. Бибиков, указав на сравнительно скромный запас слов и значений, поэзии и художественных даже в пору усиленной гигиенистами русским языком из французского, отметил, что главное было восприятие у французов самого метода ограничений и дифференциаций, понятий и их оттенков; так сказать, не готовый продукт, а, говоря современно, передовой технологии. Поэтому-то создателем русского литературного языка и стал не Карамзин, образовавший и создавший для этого языка по французскому образцу довольно много новых слов. Создателем его стал Пушкин, не создавший ни одного нового слова. Карамзин был, так сказать, ориентирован на приложение чужому. Пушкин был устремлен — путь и при помощи чужого — на открытие своего.

Из слова «блестеть», например, он извлек почти полтора десятка значений и оттенков, до Пушкина неведомых: «...блестеть и блестеть», «...театр уложен, ложи блещут», «...мы, ни-чмы не блестим». И т.д. и т.п.

Конечно, языки уже существовал. Но его действительно нужно было открыть, показать, образовать, упорядочить, опираться на всю колоссальную национальную породную культурную толщу. И, опять-таки говоря современно, синтезировать, собрать, обединить все, что уже было в литературе

и языку языка.

Но, выходя к разным иностранным стихиям, смешая одни, замещая их другими, созидали и те, и другие, и третий. Пушкин оставался всегда на почве своего языка. Страшно жадный к чужому, Пушкин не единственный служил — и чужим тоже — своему.

Недаром, по воспоминаниям П. А. Вяземского, «искоробление русскому языку принимало он за оскорблением, лично ему нанесение». В некотором роде был он прав, как один из высших представителей, если не высшего, этого языка.

У нас нет нового Пушкина. И сейчас, в пору поиска и оскорблении русского языка, уже всем нам, пусть малым似, но многим, если не как высшим представителям, то как представителям высшего, должно проникнуть чувством личной оскорблённости.

И принять вызов.

Когда в 1824 году Пушкин

писал «недостатки проклятого своего воспитания», то имел в виду прежде всего Лицей, первые послеподиельские годы — времена, прервавшие приобщение к народному творчеству и исконному языку, которыми в домашнем — московском и подмосковном — детстве

недостатки эти в Михайловском щедро искупались: в них, и общим деревенским бытием, и народной ярмаркой, и сибирской ярмаркой. И сказкой («каждая есть поэма», — по слову поэта), и песней (он их записывает десятками), и

была эта эпоха для него самой изящной, самой яркой, самой языковой. Это — знак беды! Важно и нужно существование в России школ укранинских, еврейских, грузинских... Но что такое в России — русская школа? Вы можете представить в Германии — немецкую школу? Или французскую школу во Франции? Да если школа в России должна быть русской?

Язык и литературу как основную линию обороны изнутри начали взламывать одной из первых. Забывают, что результат будет достигнут прямо противоположный. Недаром Достоевский писал, что в общечеловеческую семью мы можем попасть только как национальная определенность и сохранность; собственно, этим мы (как и прочие) интересны и значимы.

Если, действительно, наш язык есть наш акрополь, наш Кремль, то у него есть и свой сокровища, свои Оружейные палаты, свои золотые кляновые. Это русская классическая литература. Сошлись на поучительный пример. Уже после революции революционер Ленин, явно придав ужас от многих революционных делений, одно из самых страшных увидел в том, что рушатся столпы культуры. По-видимому, пожарной морей было и то, что в народ массовыми тиражами и по копеечным ценам стали обрачиваться русскую классику.

Да, иное в классике издавали неполно. Да, многое в ней ондносторонне или даже превратно толковали. Да, в забвении или даже в худе оставалось одно из ее главных начал — религиозность (правда, теперь русская литература уже чуть ли не отождествляют с собственно религиозной литературой). И все-таки классику неизменно давали. Впрочем, это предмет особого разговора. Здесь же скажем лишь, что ныне небывало благоприятное время для полного и непредвзятого освоения классики во всем ее объеме.

Мы переживаем во многих отношениях решающий момент. И потому общество должно потребовать, у государства должно предписать соответствующим ведомствам власти или восстановить в России в максимально возможном объеме дело преподавания русского языка и русской литературной классики.

Неужели непонятно, что даже с точки зрения существующего порядка и общего спокойствия грядущая смесь из глаубиц азартных игр, политического услужения, «светских» хроник и «райского» наслаждения, обещанного плакатами школами, работает эффективнее тысячи коммунистических агитаторов? Неужто ж никто не вздрогнет, вспомнив и серьезно подумав о том, почему в страшном октябре 1993 года толпа прежде всего разнуздана громить именно «Останкино»?

Правда, обычно ссылается на рейтинги. Ну, во-первых, рейтинги у нас условия. И дело даже не в злой воле и хитроумных уловках устроителей. Возьмите, скажем, Татьяну и Пушкина, оба которых читали в школе, а потом читали в университетах, и они не смогли их слушать.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь идет об основных тенденциях.

Так, за всем этим прослеживаются и тот драматический процесс, поглощавший культуру цивилизаций и подмены цивилизаций культурой, который предрасполагал и уже окончательно окончил многие выдающиеся мыслители нового времени: от Ницше и Шенкеляера — там до К. Леонтьева и Н. Бердяева — у нас.

Естественно, это противоречие явилось сложнейшим и запутанным клубком совмещений, взаимодействий, взаимоувлияний и взаимоотталкиваний: речь